

Вологодская	Темно-зеленые		Красная	Белые
Оренбургская	Темно-зеленые		Красная	Желтые
Черные поротники с красной выпушкой				
Бессарабская обл.	Черные			Белые
Астраханская	Черные			Желтые
Екатеринославская	Черные		Красная	Белые
Имеретия	Черные		Красная	Желтые
Херсонская	Темно-зеленые	Красная		Белые
Кавказская	Темно-зеленые	Красная		Желтые
Таурическая	Темно-зеленые	Красная	Красная	Белые
Мингрелия	Темно-зеленые	Красная	Красная	Желтые
Грузия	Черные острые			Желтые

Л. И. ШОХИН

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ОПИСАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО ГЕНЕАЛОГИИ В МОСКОВСКОМ АРХИВЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Московский архив Министерства юстиции (ММЮ) издал много архивных описаний и документальных публикаций. Трудами архивистов внесен значительный вклад в изучение истории государственных учреждений и архивного дела. Занимались они и вспомогательными историческими дисциплинами: сфрагистикой (П. И. Иванов), палеографией (П. И. Иванов, Н. И. Тихомиров, И. С. Беляев), дипломатикой (Н. И. Ардашев). В ходе разбора архивных документов затрагивались вопросы метрологии, хронологии, фалеристики и т. д. Д. М. Мейчик обнаружил сведения о «косой сажени». ¹ Д. В. Крестьянский разыскивал данные о медали, выбитой в 1790 г. в память заключения мира со Швецией. ² И. С. Белин прочитал в Московском обществе истории и древностей российских доклад «Новые данные о январском летосчислении, введенном императором Петром Великим». ³ Подобные работы, достигавшие порой заметных результатов, носили в целом эпизодический характер, тогда как генеалогия постоянно находилась в центре внимания архивистов в связи с разработкой подобных вопросов исследователями в читальном зале ММЮ. Это было важным направлением тематики, свойственной дореволюционной историографии. Естественно, потребности развития исторической науки поддерживали интерес к такому

¹ ЦГИА СССР, ф. 950 (И. В. Калачов), оп. 1, д. 296, л. 4—4 об. — «Теперь не буду упускать ни одного выдающегося сведения по части метрологии, чтобы не довести его до Вас». — писал Д. М. Мейчик Д. И. Прозоровскому в 1852 г. (там же, л. 7).

² ЦГАДА, ф. 337 (Канцелярия ММЮ), оп. 1, д. 6774, л. 11.

³ Чтения ОИДР, 1909. Кн. 4. С. 28 (Протокол заседания Общества 19 декабря 1908 г.).

рода материалам, побуждая тщательно их описывать, изучать и издавать. МАМЮ выступал как продолжатель традиций одного из своих предшественников — Разрядного архива, «генеалогическая» сторона деятельности которого отчасти освещена А. А. Гоздаво-Голомбиевским.⁴ В настоящее время труды А. Б. Каменского подтверждают перспективность продолжения исследования источников по истории Разрядного архива.⁵

Цель статьи — собрать и проанализировать сведения о месте генеалогии в повседневной работе архивистов последующей эпохи, связать историю архивного дела с историей исторической науки.

Начальный период существования МАМЮ по главе с его первым директором П. И. Ивановым характеризовался усиленным изучением тех интересных для науки материалов, которые как бы лежали на поверхности или были случайно обнаружены среди массы других документов, например при издании «Дворцовых разрядов». Руководство подготовкой публикации осуществлялось Д. Н. Блудовым и А. Н. Поповым, составителями от архива являлись П. И. Иванов, И. Д. Беляев и В. М. Удольский. В основу издания должны были лечь официальные разряды, хранившиеся в Разрядном архиве и в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД), «обнимающие с небольшими промежутками всю историю управления государством до 1706 г.» (так рассматривали значение генеалогического материала записных и разрядных книг, где «означены распоряжения правительства о службе придворной, военной и гражданской»).

Работа осложнялась тем, что записные книги сильно пострадали от сырости и, следовательно, трудно читаются. Быстро определился лишь круг основных источников. Из всех книг Московского стола Разрядного приказа И. Д. Беляев составил перечень 26 разрядных книг, а затем выявил еще 12 однородных источников среди столбцов Московского стола. Их стали копировать для высылки в Петербург. По мнению П. И. Иванова, издание преследовало две цели — историческую и «официально-прагматическую» (в смысле выдачи родословных справок). «Нигде, кроме боярских списков, нет ни такого количества имен, ни такой отчетливости в назначениях каждого лица, как в разрядных книгах», — писал он. П. И. Иванов считал целесообразным скорее начать печатание отдельной серии книг Разрядного приказа, не дожидаясь завершения работы по дворцовым и частным разрядным книгам, так как «официальные разряды не походят ни на какие другие разрядные книги, и нечего их дополнить

⁴ Гоздаво-Голомбиевский А. А. История Разрядного архива (1711—1812 гг.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1886. Т. 5. С. 1—152. — Далее: ОД и Б.

⁵ Каменский А. Б. 1) К истории изучения генеалогии в России в XVIII в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 150—161; 2) Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVIII в. // Ист. зап. 1982. Т. 108. С. 259—272; 3) Книги справок Разрядного архива: история составления и источниковедческое значение // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 162—172.

⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1850—1855. Т. 1—4.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 704 (В. М. Удольский), карт. 29, л. 50, л. 1—2.

и даже подводить к ним варианты». ⁸ Однако Д. Н. Блудов принял противоположное решение.

Касаясь множества столбцов Разрядного приказа, П. И. Иванов отмечал, что они «перебиты, перемешаны и растеряны, ничего не содержат в себе, кроме смотренных списков, незначительных отписок из разных городов, списков служилым и ратным людям. . . Если считать любопытными такие столбцы, то пришлось бы переписать не одну тысячу книг Разрядного архива того же самого содержания». Тем не менее для составления предисловия к изданию понадобилось дать обзор делопроизводства Разрядного приказа, и П. И. Иванов в конце 1852 г. обещал выслать в Петербург дополнительные материалы, если таковые найдутся в ходе других архивных работ. ⁹ И. Д. Беляев заметил, что в столбцах Разрядного приказа сохранились некоторые документы, относящиеся к разрядным книгам, но не входившие в состав этих книг. Однако он не собирался писать по ним «диссертацию о дворцовых разрядах, которую в настоящее время за недостатком наличных памятников нельзя еще и писать». ¹⁰ Необходимость дополнения наличных сведений разрядных книг по другим родословным материалам стала ясной и при составлении именного указателя к изданию. ¹¹

Вслед за выходом в свет «Дворцовых разрядов» акцент в деятельности МАМЮ переместился на подготовку архивных справочников. Один из них, составленный в 1848—1851 гг., был издан под наблюдением П. П. Скопина, деятельного помощника П. И. Иванова. Это «Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах» (М., 1853). В конце своего управления архивом в 1864 г. П. И. Иванов перечислил еще четыре «особо составленных указателя для руководства при изысканиях с ученою целью в замечательнейших документах МАМЮ»: трехтомный алфавит боярских, окольных и дворянских фамилий, упоминаемых в сказках Генерального двора; трехтомный указатель к боярским спискам; двухтомный указатель к родословным росписям русского дворянства; алфавитную роспись чинам прежних служб.

«Составляя как бы продолжение писцовых и боярских книг, сказки Генерального двора служат связью для документов о дворянских родах и недвижимых имениях допетровского периода», — указывал П. И. Иванов. Боярские списки, являясь важным источником по истории России 1693—1713 гг., содержат также «драгоценные и до сих пор неизвестные биографические сведения об отдельных исторических лицах». П. И. Иванов упоминал о 163 открытых в МАМЮ родословных росписях, поданных в Разряд, ранее считавшихся утраченными. По его мнению, «они могут служить объяснением первоначальных источников и отчасти самого времени происхождения „Бархатной книги“». Кроме того, в делопроизводстве Сената обнаружили книгу № 2215 за 1721 г. под заголовком «Список ком-

⁸ Там же, карт. П, д. 2, л. 7—7 об., 41, 70—70 об., 105, 163.

⁹ Там же, л. 41 об., 125.

¹⁰ Из писем И. Д. Беляева к А. Н. Погову // Русский архив. 1886. № 10.

¹¹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 8314, л. 1—14.

натным стольникам, стольникам, стряпчим и дворянам московским, который отдан из Сената стольнику Колячеву». При составлении списка происходили важные реформы государственного аппарата, «и потому вводимы были новые служебные места и лица с новыми названиями и отношениями между собою, — говорилось в отчете П. И. Иванова. — Из этого списка видно, сколько оставалось чинов прежних служб, и в этом отношении он представляется в историческом значении столь же важным, как боярские книги или списки».¹²

После переезда МАМЮ в новое здание на Девичьем поле в 1886 г. архивариус Разрядно-Сенатского отделения архива И. Н. Николаев составил «ведомость описям и алфавитам», в которой значится, что по боярским спискам составлены алфавиты в 34 книгах, к каждой книге отдельно, и общий в трех частях; по десятиям — алфавит в 10 томах (кроме книг № 157 и 309); по жилецким спискам — алфавит в 10 томах (кроме книг № 38, 40, 83 и книги № 6 из-за ее ветхости, алфавиты к книгам № 1, 3, 11, 12 переплетены вместе с самими названными книгами); по смотренным спискам — 26 томов алфавитов к каждой книге отдельно (алфавит городов переплетен вместе с описью смотренных списков). По Герольдмейстерской конторе имелась опись 794 книг 1718—1796 гг. (кроме журналов регистрации входящих и исходящих документов). По книгам «Герольдмейстерских дел» 1722—1847 гг., принятым в МАМЮ из Московского сенатского архива в 1875—1876 гг., были составлены алфавиты и реестры «делам по Герольдии» и «о недорослях», остальные книги остались без алфавита.¹³ К пошлинным и непошлинным книгам Печатной конторы, в которых записаны грамоты 1613—1725 гг., составлен двухтомный алфавит (книги № 155, 156), к другим 392 пошлинным книгам прилагались алфавиты, современные самим документам, их отделили и переплели в отдельные книги (№ 157—175). И. Н. Николаев указывал, что к 88 пошлинным и всем 303 непошлинным книгам составлены новые алфавиты на отдельных листах, но они еще не разрезаны, не подобраны по буквам и не переплетены.¹⁴

Преемник И. Н. Николаева, новый архивариус Разрядно-Сенатского отделения МАМЮ Н. И. Тихомиров составил специальную записку о работе над родословными росписями. В ней отмечается, что они найдены в ходе разбора перепутанных в 1812 г. столбцов и ввиду их ветхого состояния в 1854—1855 гг. с них были сняты копии, составившие два тома «Списков с родословных росписей».¹⁵ Небезинтересны воспоминания А. И. Маркевича, изучавшего по ним

¹² «Отчет», подписанный П. И. Ивановым, отложился в коллекции Н. П. Барсукова (ОР ГБЛ, ф. 18, карт. 5, д. 60, л. 1—12). Из приложений к нему ведомости о количестве всех документов МАМЮ видно, что разработана была небольшая часть из них.

¹³ Всего среди них было 80 книг веденных по Герольдии, 16 книг веденных Петербургского департамента Герольдии, 104 книги «дел по Герольдии» (из них 59 книг «о недорослях», 23 — «герольдмейстерских дел», 11 — «герольдмейстерских указов», 33 — журналов и протоколов, 2 — «докладных», 14 — фирмулярных списков, 1 — «о жалованиях»), 89 книг «входящих и исходящих», 106 приколо-расходных, 41 «на-стольная».

¹⁴ ЦГАДА, ф. 337, он. 1, д. 2143, л. 29—30.

¹⁵ Там же, д. 8452, л. 1.

местнические дела. Не пытаясь выявить все многочисленные родословные по описям Разрядного приказа, где «многие столбцы помечены крайне неопределенно, например „разные дела“», он ограничился теми, которые при П. И. Иванове были переписаны в алфавитном порядке в два больших тома, хотя и замечал в них неточности. В частности, пропущены князья Гагарины, а Волынские ошибочно названы князьями; князья Белозерские слиты с Беложельскими по аналогии с более поздним временем; отписку Шереметева о роде Савеловых приняли за родословную Шереметевых.¹⁶ Однако алфавит родословных росписей, поданных в Разряд в 1686 г., принес большую пользу не только А. И. Маркевичу, но и Н. П. Лихачеву. Успех первой попытки научных занятий в 1884 г. при ничтожно малом времени, которым он тогда располагал, побудил Н. П. Лихачева в дальнейшем основательно продолжить работу в архиве.¹⁷ Наряду с документами Разрядно-Сенатского отделения МАМЮ Н. П. Лихачев обращал внимание на важное значение помещико-вотчинных документов для изучения генеалогии: «17 тыс. книг и 25 тыс. столбцов (круглым счетом) предлагаются вниманию изыскателя, и — улы! — к весьма многим из них нет ни алфавитов, ни описей! Но и при таком положении дела опытные архивариусы в состоянии издавать целые родословные картины и доказывать документально связь колена за XVII—XVIII вв. почти для всякой фамилии».¹⁸

А. Хаждэу, составлявший «Биографии людей земли Молдавской, служивших в России», обнаружил по опубликованному алфавиту боярских книг сведения о Н. Г. Спафарии. По его просьбе из МАМЮ выслали подробную справку.¹⁹ Позднее Л. М. Савелов использовал «алфавит П. И. Иванова», составляя полный список столбняков в ходе работы над «Материалами для библиографического указателя по истории и генеалогии русского дворянства» (М., 1893).²⁰ По свидетельству В. В. Шереметевского, руководившего по поручению Д. Я. Самоквасова «инвентарным» описанием столбцов Разрядного приказа, при разборе в Описательном отделении архива списков служивших людей (боярских, жигецких и т. п.) скрепа повторялась много раз и потому не всегда помогала. Тогда по фамилиям и чинам, проверяя их на каждом сставе, где нет заголовка, по алфавиту боярских книг, нетрудно было восстановить последовательность списков.²¹

Д. Я. Самоквасов и архивариус Поместно-Вотчинного отделения Н. Н. Ардашев специально рассматривали соотношение описанных и неописанных документов, качество «справочных пособий» к ним, зависящее от «времени их происхождения, от принятой для них системы, от степени умеренности и аккуратности в их выполнении».

¹⁶ Маркевич А. И. О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1. С. 373—374, 398.

¹⁷ ЛО ААН СССР, ф. 246 (Н. П. Лихачев), оп. 2, л. 50, л. 10 об.

¹⁸ Лихачев Н. П. Новое родословие князей Галицких // Библиограф. 1893. № 1. С. 80—81. — Н. П. Галицину сотруднику МАМЮ прислала генеалогические материалы за вознаграждение. См.: ОР ГБЛ, ф. 239 (Н. А. Попов), карт. 7, л. 33, л. 3—4.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, л. 282, л. 1.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 351 (А. И. Юшкев), карт. 1, л. 29, л. 5, об. 9.

²¹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, л. 8384, л. 49.

«Прекрасно составленные» до 1812 г., они зачастую утратили практическое значение из-за нарушения порядка хранения документов и гибели многих из них. В других случаях, напротив, плохо сохранился учетно-справочный аппарат. Д. Я. Самоквасов упоминал о том, что часть хороших описей, составленных в 1850-х гг., «уничтожена неизвестно кем и когда». ²² Общим недостатком являлось перечисление в алфавитах фамилий без имен и отчеств. Сводные алфавиты, хотя и не всегда полностью сведенные (нередко два-три вместо одного), имелись к меньшей части книг Поместно-Вотчинного отделения. Ко многим другим алфавиты были отдельные или даже составленные по годам, третям года, месяцам, что сильно увеличивало время наведения справок. К тому же большинство дробных алфавитов перелеталось вместе с документами. П. Н. Ардашев подчеркивал, что алфавит делает доступным изучению любой архивный материал, но при условии, что азбучная система проведена тщательно и до конца. В имеющихся же алфавитах в лучшем случае фамилии подобраны только по первой букве, на следующей странице та же фамилия может встретиться еще раз, так как инициалы не указаны. Справки по книгам без алфавитов производились в тех случаях, если известна дата поземельного акта. ²³

Нельзя сказать, что П. Н. Иванов не понимал целесообразности соединения отдельных алфавитов, но для этого требовались громадные затраты труда и времени. ²⁴ Пользование алфавитами затруднялось «полным отсутствием каких-либо сводок или личных указателей, которые могли бы служить путеводной нитью по архивному лабиринту, не говоря уже о чем-нибудь подобном генеральному алфавиту, который мог бы произвести настоящий переворот в архивном деле», — отмечал П. Н. Ардашев. ²⁵ От постановки задачи нового подробного описания всех столбцов Поместного приказа и тому подобных документов удерживала масштабность работы, представлявшейся заманчивой, но невыполнимой. ²⁶ В МАМЮ пытался только восполнить пробелы в существующих алфавитах.

По инициативе П. Н. Ардашева в 1916 г. С. И. Порфирьев составил новый именной алфавит к «книге молодых лет» по Рязани (№ 45) взамен утраченного раньше. Он столкнулся с тем, что многие имена в подлиннике приводятся без отчеств, а иные и без фамилий, одно лицо может неодинаково называться в разных документах. Но П. Н. Ардашев считал необходимым свести их «в единое биографическое целое». Он заметил, что «реестр не может быть приравниваем к алфавитному указателю печатной книги. Там указатель лишь облегчает знакомство с текстом, здесь же реестр есть ключ, без которого читатель и не дойдет до оригинала». ²⁷ Иногда затруднительно

²² Там же, л. 9737, л. 17; л. 644, л. 45.

²³ Там же, л. 3894, л. 4—6, 28—29.

²⁴ Там же, ф. 336 (Капцелярия инспектора московских сенатских архивов П. И. Иванова), оп. 1, д. 263, л. 3—3 об.

²⁵ Там же, ф. 337, оп. 1, д. 3894, л. 10—10 об.

²⁶ См. протокол выступления архивариуса В. И. Холмогорова: Тр. VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. М., 1897, т. 4, с. 107.

²⁷ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 9336, л. 15—15 об.

бывало определить, на каком месте известное лицо впервые упоминается. Например, Иван такой-то первоначально мог быть представлен в имени своей супруги — «Ивановой жены»; спорящие стороны называли то или другое лицо по-разному: одна — Архином, другая — Андреем. Н. П. Ардашев настаивал на том, чтобы отмечать все разночтения, как они выражены в подлиннике, заключая их в кавычки, в некоторых случаях давая отсылки: «Архип — зри или сравни Андрей». По его мнению, такой прием нарушит систему описания, которая в подобных случаях будет давить уже не «генеалогический факт как нечто вполне определенное, а только имя, подлежащее еще определению» путем сравнительного изучения», но это «избавляет составителя описания от риска утверждать или отрицать то, в чем не уверен». Для ускорения работы методика была упрощена — ограничивались указанием первого листа в деле, где упомянуто то или иное имя, прибавляя «и др.».²⁸

Практические справки генеалогического содержания настолько тесно переплетались с научными разысканиями, что соединение двух названных направлений заметно в деятельности одних и тех же «потребителей» архивной информации. Так, в 1887 г. Н. П. Лихачеву выдали объемистую справку о переводе имения в его род.²⁹ В. В. Голубцов сообщал В. В. Руммелью, своему соавтору по изданию «Родословного сборника русских дворянских фамилий» (СПб., 1886), что им собрано в московских, петербургских и местных архивах много материалов о роде Голубцовых. Особенно необходимы для его родословной документы МАМЮ, которые ему обещали выписать и скопировать за четыре месяца (по упоминаниям его фамилии).³⁰ С подобным же запросом обращался известный петербургский ученый А. Ф. Бычков через сотрудника Московского дворцового архива А. Е. Викторова. Последний собирался лично навестить справку, как это принято в архивах, но чиновники МАМЮ предпочитали все делать сами за умеренное вознаграждение. Ему даже принесли на дом пакет с выписками из документов, где было собрано все, найденное в Поместно-Вотчинном отделении. В Разрядно-Сенатском отделении выявление продолжалось дополнительно.³¹ Впоследствии А. Ф. Бычков обратился в архив с просьбой уточнить некоторые вопросы для комментариев к изданию «Писем и бумаг Петра Великого». Его интересовало, на ком были женаты фельдмаршал Н. И. Репнин и боярин А. П. Головин, отец канцлера Ф. А. Головина.³² Управляющий МАМЮ Н. А. Попов ответил А. Ф. Бычкову, что подобные запросы архивисты называют «задорными». «Они уже и прежде возбуждались у нас, разумеется, по поводу других фамилий, требуют больших разысканий в куче дел разрядных и вотчинных всех родов и видов, но не всегда увенчиваются успехом такие розыски».³³

²⁸ Там же, л. 9722, л. 59—60.

²⁹ Там же, л. 5743.

³⁰ Там же, ф. 1293 (Русское генеалогическое общество), оп. 1, д. 4, л. 142 об., 179 об.

³¹ ОР ГИБ, ф. 120 (А. Ф. Бычков), оп. 1, л. 475, л. 11—14.

³² Там же, л. 257, л. 3—3 об. (Письмо А. Ф. Быčkova, черновик).

³³ Там же, л. 1139, л. 66, 70—71.

В период, когда МАМЮ возглавляли Н. В. Калачов и Н. А. Попов, происходил быстрый подъем научной деятельности архива во всех областях, в том числе касающихся составления научно-справочного аппарата к документам генеалогического содержания. Представляя к награждению архивариуса И. Н. Николаева и перечисляя его труды, Н. В. Калачов отметил как немаловажную заслугу составление им указателя ко всем имеющимся в делах Герольдмейстерской конторы и Разрядного приказа дворянским родословным росписям.³⁴ Затем А. Н. Зерцалов продолжил составление сводного алфавита по родословным росписям и выданным архивом справкам, который известный генеалог и архивист Н. П. Чулков считал крупным достижением архива.³⁵ Заинтересовавшись десятиями, Н. В. Калачов велел в 1870—1871 гг. начать повторное их описание с выписыванием на карточки всех имен, охватившее 32 книги по 19 городам, но дальше дело не пошло.³⁶

В 1889 г. А. А. Гоздаво-Голомбиевский предложил новому управляющему архивом Н. А. Попову составить хотя бы краткий указатель к документам Герольдмейстерской конторы, переплетенным чиновниками созданного в 1835 г. Комитета по описанию московских сенатских архивов (в хронологическом порядке по номерам). Тогда, по наблюдению А. А. Гоздаво-Голомбиевского, перемещали все новытяжки конторы, в каждом из которых «ведаяся» известный род дел. К 12 книгам по «второму отделу» имелись хорошие старые реестры, но «по ним отыскать что нужно крайне трудно, потому что в реестрах указаны старые, докомитетские номера второго отдела Герольдмейстерской конторы, и неизвестно, под каким номером числится требующаяся книга теперь, — докладывал А. А. Гоздаво-Голомбиевский Н. А. Попову. — Без подобного указателя пользоваться ими нельзя. Отчасти следует просмотреть и книги Печатной конторы».³⁷

Однако в конце 1889 г. документы Герольдмейстерской конторы попытались истребовать из МАМЮ. Заведующий делами герольдмейстера Н. Раковский просил вернуть 147 книг, высланных в Москву в 1846 г.³⁸ А. А. Гоздаво-Голомбиевский написал ответ, в котором указывал, что из МАМЮ выдается в среднем до 100 справок в год, поэтому дела Герольдмейстерской канцелярии и Герольдмейстерской конторы «по однородности их содержания с делами разрядными, как необходимые для выдачи справок по оным», должны храниться

³⁴ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 1340, л. 2.

³⁵ Там же, л. 870, л. б об.; ЦГАОР СССР, ф. Р-5325 (Главное управление архивным делом при Наркомпросе РСФСР), оп. 9, д. 56, л. 20. Лекции Н. П. Чулкова на Московских архивных курсах в 1918 г. — В МАМЮ отложился общий алфавит всех выданных справок за 1852—1880 гг. (ЦГАДА, ф. 337, оп. 2, д. 906), который сотрудниками архива предлагали продолжить до начала XX в. и непрерывно пополнять (ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 9721, л. 36).

³⁶ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 381, л. 7—7 об. — В. В. Шереметевский в «Очерке истории московских сенатских архивов и Архива Министерства юстиции» ошибочно писал, что алфавит составлялся только в десятиями по Арзамасу и Юрьеву-Польскому (ОднБ, М., 1880, т. 7, с. 134—135; см. также: Описание книг десятии, составленное И. Н. Николаевым // ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 6291).

³⁷ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 9737, л. 69 об.—70.

³⁸ Речь шла о книгах № 1, 3, 14, 21, 71, 90, 124, 126, 138—277.

в МАМЮ — преемнике Разрядно-Сенатского архива. Кроме того, названные 147 книг нелегко отличить от остальных, так как при учреждении МАМЮ в 1852 г. все они «были пересмотрены, приведены в новый систематический порядок и большая часть книг получила другие номера». В ответе герольдмейстеру также говорилось: «По принятым на западе Европы, а отчасти и у нас правилам архивоведения раздробление однородных дел за известную эпоху по разным архивам признается совершенно несогласным ни с целями практическими, ни с целями научными. Эти правила были бы нарушены, если бы из 891 книги с „делами герольдмейстерскими“, хранящимися в МАМЮ, отделить часть их, состоящую из 147 книг».³⁹ Архивисты отдавали себе отчет в научном значении упомянутых материалов, но в административной переписке сочли целесообразным акцентировать внимание на практической стороне вопроса.

В 1893 г. архивариус Департамента герольдии В. В. Руммель прибыл в МАМЮ, чтобы на месте определить затребованные книги.⁴⁰ Рассмотрев 1479 книг Герольдмейстерской конторы и Канцелярии герольдмейстерских дел, он объявил об обнаружении 116 из числа разыскиваемых 147 книг «решенных дел», числившихся в МАМЮ под наименованием «дела по Герольдии» (58 книг за 1721—1812 гг.) и «о недорослях» (58 книг за 1721—1763 гг.), однородных по содержанию с книгами «решенных дел» из архива Департамента герольдии, заключающими в себе главным образом документы о признании в дворянском достоинстве и об утверждении гербов.⁴¹

Д. Я. Самоквасов, ставший к тому времени управляющим МАМЮ, запросил мнение архивариусов В. И. Холмогоров, наводивший справки по Поместно-Вотчинному отделению архива, заметил, что «ввиду связи земельладения с службой указания одного отделения архива могут иметь существенное значение для успешного производства справки по другому отделению». В «делах по Герольдии» заключаются сказки о недвижимых имениях, «каковые указания могут служить драгоценным ключом для отыскания подлинных крепостных актов в вотчинных делах по известным городам».⁴²

Н. И. Тихомиров затронул не только практический, но отчасти и научный аспект, указав, что исследователям «в видах сбережения времени и облегчения труда имеет большое значение пользоваться однородными документами, сосредоточенными в одном месте». Сведения о дворянских родах по всем разделам комплекса документов Герольдмейстерской конторы «взаимно дополняются и поясняются».⁴³

Н. Н. Оглоблин также подчеркнул, что «как для юридических справок, так и для научных занятий в архиве весьма важно, чтобы дела известного учреждения хранились сосредоточенными в одном месте. Разделять дела одного учреждения между двумя и более местами хранения — вопиющее нарушение самых азбучных истин

³⁹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 597, л. 2—4.

⁴⁰ Там же, д. 645, л. 14.

⁴¹ Там же, д. 6, 55, л. 2—3.

⁴² Там же, л. 6—6 об.

⁴³ Там же, л. 7—8.

архивного дела». Документы Герольдмейстерской конторы связаны с «делами Сената по Герольдии», с документами Разрядного приказа начала XVIII в., следовательно, нельзя передать такого рода материалы в архив Департамента Герольдии, дела Сената по Синоду — в Синодальный архив и т. д. «Раз дела Сената XVIII в. решено хранить в нашем архиве, они должны здесь находиться в своем полном составе. — писал Н. Н. Оглоблин. — Если в практическом отношении архив Герольдии имеет преимущества перед нашим архивом, то в научных целях наш архив и по центральности своего положения, и по большей доступности, и по другим причинам более привлекает посетителей, чем архив Герольдии». ⁴⁴

Д. Я. Самоквасов ответил отказом на требование герольдмейстера, сославшись на вышеозначенные докладные записки сотрудников и на предоставленные ему Н. И. Тихомировым данные, что все найденные В. В. Руммелем 116 книг принадлежат к делопроизводству Московской герольдмейстерской конторы, существовавшей при департаментах Сената. «Чтобы убедиться в этом, достаточно одного беглого взгляда на них, — писал Н. И. Тихомиров Д. Я. Самоквасову. — Все поступившие к производству бумаги, как-то отношения и уведомления разных учреждений, прошения дворян, адресованы или прямо в Герольдмейстерскую контору, или «Сенатской конторы к герольдмейстерским делам», или «герольдмейстеру в Москве». ⁴⁵

ММЮ не для того занимался описанием документов Герольдмейстерской конторы, чтобы передавать их в Петербург. При Н. В. Калачове и Н. А. Попове составили общий карточный алфавит ко всем 1479 книгам и вязкам по Герольдии. «Этот алфавит в последние годы приведен в окончательный порядок на „И“ включительно, переписан в форму книг и служит главным ключом к материалам, из которых извлекаются справки о дворянских родах и дворянских именах, титулах и гербах», — подчеркивал Д. Я. Самоквасов. Он поручил Н. И. Тихомирову пересмотреть все документы, исправить нумерацию и составить заверительную надпись к каждой книге или вязке, расставить дела «по каждому ведомству и роду оных». ⁴⁶

Еще в 1892 г. Д. Я. Самоквасов распорядился прекратить работу над большинством начатых ранее архивных обзоров и сосредоточить силы Описательного отделения ММЮ на «инвентарном» описании книг и столбцов Разрядного приказа. Тогда на долю А. И. Юшкова, зарекомендовавшего себя в качестве специалиста по генеалогии, пришлось составление описи боярских книг и списков. ⁴⁷ Вероятно, Д. Я. Самоквасов не представлял заранее, что описание Разряда потребует целых 20 лет. 17 ноября 1892 г. он приказал

⁴⁴ Там же, л. 9—10.

⁴⁵ Там же, л. 1—5, 19—23.

⁴⁶ Там же, л. 26 (Историческая записка по делу о передаче в ММЮ документов б. Герольдии, 7 августа 1895 г.).

⁴⁷ Там же, л. 630, л. 8 об.; Юшков А. И. Описи боярских книг и боярских списков // СД и Б. М., 1894. Т. 9, отд. 2. С. 1—9. — В. Н. Сторожеву поручили «инвентарную» опись десяти, но затем в целях ускорения работы Д. Я. Самоквасов разделил десятию между несколькими архивистами (ЦГАДА, ф. 317, оп. 1, л. 630, л. 9).

чиновникам канцелярии архива в свободное от прямых служебных обязанностей время начать составление «инвентарной» описи книг Печатной конторы.⁴⁸ Поручая редактору описей и изданий архива А. С. Пестову распределить между сотрудниками документы, чтобы работа каждого закончилась по возможности к одному сроку, управляющий предполагал в 1893 г. приступить к «инвентарному» описанию книг Герольдмейстерской конторы параллельно с печатанием описи документов Разрядного приказа.⁴⁹ По-видимому, ему посоветовал это сделать его секретарь А. А. Гоздаво-Голомбиевский, несколькими годами раньше предлагавший описать книги Герольдмейстерской и Печатной контор.

Несмотря на то что Д. Я. Самоквасов не дожид до конца описания всех столбцов Разрядного приказа, он все же не пренебрегал работой над другими отделами архива. Однако вместо обширных замыслов ему пришлось ограничиться окончанием составления алфавита к герольдмейстерским книгам, начатого еще при П. И. Иванове и продолжавшегося при Н. В. Калачове и Н. А. Попове. Предпринятая Д. Я. Самоквасовым аналогичная работа по отношению к книгам Печатной конторы проводилась помимо Описательного отделения силами «Вольнонаемного», или «Алфавитного», отделения, состоявшего не из штатных чиновников архива, а из канцеляристов и женщин-перепищиц.⁵⁰ В. И. Сторожен и Н. П. Чулков в 1894 г. после описания книг Разрядного приказа обратились к «инвентарной» описи книг Герольдмейстерской конторы с нумерацией листов, но в начале 1895 г. оставили это занятие, целиком переключившись на описание столбцов Разрядного приказа.⁵¹

Качественное выполнение «инвентарного» описания столбцов Разрядного приказа были бы немислимы без предыдущей многообразной деятельности архива, в том числе в области изучения генеалогии. Ведущие составители описания, естественно, использовали не только ранние труды и сами были весьма сведущими в генеалогических вопросах. В. В. Шереметевский после долголетней работы над документами о людях, служивших по «боярскому списку», сразу замечая при редактировании описи ошибки в чинах, включение некоторых прохвостлюдинов в число стольников и дворян. Приняли за правило не называть в описи фамилии без имен, а по отношению к служилым людям по возможности указывать и отчество для удобства восстановления их генеалогии. Княжеские фамилии Шаховские и Шехонские имели такое сходство, что В. В. Шереметевский всегда проверял их по подлиннику.⁵² Впоследствии В. Д. Бюшч-Бруевич так характеризовал еще одного видного участника описания Разряда

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 377, оп. 1, д. 630, л. 6 об.

⁴⁹ Там же, д. 1055, л. 131—132.

⁵⁰ Там же, д. 672, л. 35. — См. также «подписи описи вольнонаемных лиц» (там же, д. 7058, 7059). В 1892 г. непродолжительное время этим алфавитом занимались А. И. Юшков и П. И. Арляшев (там же, д. 630, л. 5, д. 1086, л. 29).

⁵¹ Там же, д. 658, л. 63—63 об.; д. 7055, 9546, л. 1 об. — Они успели описать несколько десятков книг по Геральдики, не считая работы К. П. Сахирова, А. П. Беллинского, П. Ф. Белишевского и других «вольнонаемных лиц».

⁵² Там же, д. 8384, л. 73 об. — Подобные вопросы одновременно ставились по материалу «Грамот Княгини эконими», см. *Лидачев Н. П. Дворянские имена // Изв. Рус. генеалог. о-ва. СПб., 1900. Вып. 1. С. 126—128.*

Н. П. Чулкова, знакомого ему по Литературному музею в 1930-е гг.: «Н. П. Чулков по своей природе является высокоодаренным человеком, обладает совершенно исключительной и особой памятью, благодаря которой и колоссальной начитанности и приобретенным им знаниям он является живой энциклопедией для всевозможных справок. Особенно поражает всегда его знание хронологии лиц за несколько столетий».⁵¹ Судя по личному делу Н. П. Чулкова в МАМЮ, он еще во время учебы в Московском университете полюбил архивное дело и интересовался генеалогией. Собираясь продолжить занятия наукой, он стремился поступить в архив хотя бы на сверхштатную должность.⁵² Одновременно со своей службой он был активным членом Историко-родословного общества (являясь его секретарем), одним из издателей «Русского биографического словаря».

Когда описание столбцов Разрядного приказа стало подходить к концу, возник вопрос о перенесении основных усилий Описательного отделения на другие фонды, в частности на Сенат, представленный, по определению В. В. Шереметева, «сборниками документов разнообразного содержания», в какой-то мере напоминающими книги и столбцы Разрядного приказа. Составляя в 1913 г. программу описания документов Сената, В. В. Шереметевский предлагал по своему опыту выделить большую часть имен в указатели, чтобы не перегружать опись.⁵³ В. В. Нечаев в примечаниях к этому плану выразил пожелание обязательно попутно выявлять сведения о каждом служивом человеке, так как в указателе такие данные имели бы большое значение.⁵⁴

Непродолжительное время в МАМЮ на положении сверхштатного чиновника, без жалования работал С. Б. Веселовский, но он вскоре поссорился с пригласившим его на службу преемником Д. Я. Самоквасова Д. В. Цветаевым и поспешил уйти в отставку. «Лестными обещаниями и перспективой открыть мне доступ к неопианным отделением архива он заманил меня на службу, чтобы использовать в своих личных целях мои познания, — рассказывал С. Б. Веселовский секретарю Археографической комиссии В. Г. Дружинину. — Теперь я на опыте знаю, что такое мир чиновников. В бытность мою в этой среде я наслушался таких гадостей и испытал столько неприятностей, что раньше не испытывал за всю свою жизнь».⁵⁵ Впрочем, Д. В. Цветаев, опасаясь скандала, не препятствовал продолжению занятий С. Б. Веселовского в читальном зале МАМЮ.⁵⁶ О перспективности подобного сотрудничества ученых с архивами свидетельствует более успешный опыт Л. М. Сухотина, работавшего в МГАМИД с 1908 г. на таких же условиях. Изданием в «Чтениях ОИДР» трех выпусков «Смутного времени Московского государства»

⁵¹ ОР ГБЛ, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич), карт. 223, д. 38, л. 3.

⁵² ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 1141, л. 2—2 об.

⁵³ Там же, д. 6294, л. 1—2.

⁵⁴ Там же, д. 6304, л. 37 об.

⁵⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 167 (В. Г. Дружинин), оп. 1, д. 133, л. 46—49 (Письмо С. Б. Веселовского 2 мая 1914 г.).

⁵⁶ В 1915 г. С. Б. Веселовскому даже доставили на дом «на особые условия» 10 столбцов Поместного приказа (ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 838, л. 19).

он внес существенный вклад в изучение исторических и генеалогических вопросов, относящихся к сложному периоду отечественной истории — 1610—1613 гг. Л. М. Сухотин, как и А. М. Гнепушев, воспользовался результатами описания Разряда, выбрав оттуда ряд неизвестных ранее документов.⁵⁹ Особенно много материалов почерпнуто Л. М. Сухотиным в МГАМИД, где он, занимаясь интересовавшими его научными проблемами, в то же время принес большую пользу архиву приведением в порядок и описанием неразобранных документов: составил подробную опись кормленых книг Устюжской четверти, описывал акты, пожертвованные архиву.⁶⁰

К сожалению, в МАМЮ не задержались ученые столь обширной эрудиции и выдающихся способностей, но до конца существования архива в нем работали такие признанные знатоки документов, как Н. Н. Ардашев, Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский.⁶¹ Хотя не все желающие заниматься генеалогическими исследованиями надолго оставались в архиве вследствие различных объективных и субъективных обстоятельств, живая связь между архивом и генеалогической наукой не прерывалась.

История МАМЮ, рассмотрение задач, ставившихся и решавшихся архивистами, их методики позволяют говорить о значительном месте генеалогии в работе не только отдельных сотрудников, но и всего архива. Постоянное внимание к таким вопросам на всем протяжении существования МАМЮ являлось следствием изрепшей необходимости разработки тех материалов, которые хранились в архиве, интереса к ним со стороны ученых и архивистов. Практическое значение генеалогических данных к концу XIX — началу XX в. упало, но их изучение усилилось. Это было обусловлено потребностями развития исторической науки в целом и генеалогии как специальной исторической дисциплины в частности. Возможно, детализация истории описания и изучения в архиве материалов генеалогического характера поможет их дальнейшему введению в научный оборот и позволит составить более полное представление об уровне знаний и приемах работы наших предшественников в данной области. Архивисты начали изучать не только дворянские, но и купеческие родословные, ставшие особенно актуальными в ходе углубления исследований советской историографии феодальной России.⁶² Полезно было бы продолжить поиск неопубликованных научных разработок.⁶³

⁵⁹ Ценные документы о сыске помещиных и денежных четвертных и призовых окладов с 1614 по 1619 г. и о большом сыске окладов в 1620 г. опубликованы А. Н. Зерцаловым. См.: Из истории МАМЮ // Чтения ОИДР. 1900. Кн. 2. С. 1—62.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 180 (Канцелярия МГАМИД), оп. 7, д. 5341, л. 62—62 об.

⁶¹ Среди членов учредителей Историко-родословного общества был и А. А. Голдаво-Голомбинский, другие сотрудники МАМЮ являлись его членами (Г. А. Рижский, С. Д. Щербак) или членами-корреспондентами (Н. С. Беллев, П. Н. Зенбковский). Сведения об этом приводятся в «Летписях Историко-родословного общества».

⁶² См. издание доклада Н. С. Беляева о документах МАМЮ, касающихся купеческих родословных: Древности. М., 1902. С. 398. (Тр. Археограф. комис. Москов. археолог. о-ва, т. 2, ч. 2); Чулков Н. П. Московское купечество XVIII и XIX веков: (генеалогические заметки) // Русский архив. 1907. № 12. С. 489—501.

⁶³ Например, в отчете юридической секции ЕГАФ (б. МАМЮ) о работе в предшествующие годы упоминается о докладе Н. Н. Ардашева в Историко-родословном обществе «О приемах разысканий по генеалогии» (ЦГАОР СССР, ф. Р-5325, оп. 4, д. 179, л. 42).